

KUZNETSOV Oleg Viktorovich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Associate Professor; Head of the Chair of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University (100 Universitetskiy Ave, Volgograd, Russia, 400062; oleg.kuznetsov@volsu.ru)
LOTAREV Konstantin Anatol'evich, *Cand.Sci. (Pol.Sci.)*, Associate Professor of the Chair of International Relations, Political Science and Regional Studies (100 Universitetskiy Ave, Volgograd, Russia, 400062; lotarev@volsu.ru)

TWO «TRUTHS»: YAROSLAV THE WISE AND PAVEL PESTEL': ON THE ISSUE OF SEARCHING FOR AND ASSERTING THE POLITICAL AND HISTORICAL MEANINGS OF «TRUTH» AND «LAW» IN THE POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

Abstract. The article focuses on one of the key problems in the political history of Russia – the problem of finding and establishing acceptable, organic, natural norms, rules and values in state and public life that correspond with the moral and mental state of the people. This is a multi-level and multi-faceted problem, largely solvable, but ideally unsolvable for the reason that over the centuries, the people and the authorities have numerous unpredictable and difficultly structured events affecting the historical and political process. Political, legal, and value paradigms change under the influence of diverse and contradictory circumstances.

The main sources are «Russian Truth» by Yaroslav the Wise, «Russian Truth» by P.I. Pestel', «The Word about Law and Grace» by Metropolitan Hilarion.

Keywords: Law, Truth, Justice, tradition, constitutional project, state laws, Divine law, monarchy, republic, power, people, state

УДК 24-17

АБАЕВА Любовь Лубсановна – доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; luba-abaeva@mail.ru)

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ, НРАВСТВЕННЫЕ КАТЕГОРИИ И ЭТИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ В ВЕКТОРЕ БУДДИЙСКИХ ТЕОРИЙ И ПРАКТИК

Аннотация. В статье анализируются мифологические воззрения, нравственные категории и этические приоритеты монгольских народов в процессе адаптации буддийских идей и практик. На наш взгляд, результаты креативной мифотворческой деятельности, а также тотемистические, анимистические, ритуальные и символические знания народа четко проявляются в последующих религиозных культурах, особенно в буддийских практиках монгольских народов, модернизируясь, трансформируясь и эволюционируя в соответствии с социальными, экономическими и политическими запросами социума.

Ключевые слова: монгольские народы, мифологические воззрения, нравственные категории, этические императивы, тибетская мифология, буддийские теории и практики, закон кармы, эволюция

Мифотворчество практически всех народов нашей планеты в силу своей изученности и актуальности представляет собой довольно систематизированную структуру представлений и сюжетов, основанную на народных зна-

ниях и воззрениях; практике жрецов; картине мира, а также обширных рассуждениях ранних народных мыслителей и интерпретаторов о существующем мире вокруг. «Мощным символическим институтом религиозных представлений являются мифы, или священные предания, которые повествуют о создании мира и других значимых деяниях, совершаемых полубожественными героями. Мифы – это не просто объяснительные истории духовного космоса: они имеют сами по себе духовную власть, которая выражается в манере их изложения и сопровождаемых ритуальных действиях»¹.

При этом необходимо отметить, что результаты креативной мифотворческой деятельности, а также тотемистические, анимистические, ритуальные и символические знания народа четко проявляются в последующих религиозных культурах каждого конкретного региона, модернизируясь, трансформируясь и эволюционируя в соответствии с социальными, экономическими и политическими запросами социума. Изучение феноменов религиозной культуры разных исторических эпох и трансформации нравственных парадигм и этических соображений способствует не только выявлению внешних признаков как индикаторов этничности, но и осмыслению некоторой существенной специфики этнокультурной общности, которая отличает ее от других этносоциальных групп. Человек как существо и социальная сущность всегда вносил в культурные традиции своего этноса эволюционные тенденции важнейших атрибутов материальной реальности и духовности, составляющих основной каркас культуры каждого конкретного этноса. Эти тенденции, непосредственно связанные с реальной и мировоззренческой социокультурной деятельностью индивида и социума, в котором он находится, тесно связаны с особенностями его психологического склада, исторически и этнически сложившимися в процессе эволюции того или иного этносоциального организма.

В данном случае небезынтересно рассмотреть мифологические представления тибетцев в добуддийский период, поскольку регион Центральной Азии с точки зрения ориенталистики представлял собой единый этнокультурный анклав религиозных традиций, в который были вовлечены практически все тибетоязычные, монголоязычные и тюркоязычные племена того периода. Исследование мифологических представлений тибетцев позволяет глубже понять и интерпретировать современные культурные, этнокультурные и конфессиональные реалии, происходящие в русле эволюционных процессов этносов и этнических групп не только Гималайского региона. Это позволяет оценить всю целостность, полноту и уникальность этнокультурного пространства тибетцев, сопредельных этнокультурных анклавов в целом и монгольских народов в частности.

Согласно этногенетическим мифам, происхождение некоторых тибетских кланов связано с яком и белой лошастью, которые в добуддийский период считались тотемами некоторых тибетских кланов [Огнева 1982: 506]. Среди населения восточных и южных районов Тибета существует также поверье, что их предки произошли от слияния горной ведьмы и обезьяны. Картина мира в традиционном мировоззрении тибетцев иногда ассоциируется с утробой матери, откуда все берет начало и куда все возвращается. Утроба также имеет свой верх и низ, внутри нее есть ассоциации неба и земли, мира людей и не-людей, живых и мертвых [Огнева 1982: 506]. Возможно, поэтому для тибетцев характерно почитание пещер в горах, и самих гор в том числе. Космогонические мифы тибетцев фиксируют трехчленное деление Неба и Земли, ее поверхности

¹ Тишков В.А. Предисловие. – *Народы и религии мира: энциклопедия*. М.: Большая Российская Энциклопедия. 2000. С. 12.

и подземельного пространства. Небо считалось обиталищем божеств, а Земля — жилищным пространством для людей. В подземном мире, по традиционным представлениям тибетцев, обитали различные злые существа и духи, приносящие вред людям. Земную твердь тибетская добуддийская культура представляла как некий особый материк, плавающий в океане на спине огромной черепахи (или рыбы), для устойчивости придавленный горой как осью Вселенной. В исторической эволюции тибетских космогонических мифов присутствует также и легенда о том, что, когда создавался мир, сначала первоначально соорудили кучу камней на леднике как символ горных божеств. По некоторым версиям, Вселенная, божества и человек появляются из яйца. По другой версии, они появляются от белого света, который впоследствии породил яйцо [Огнева 1982: 508]. Яйцо, как известно, в классической мифологии всех народов мира является первоосновой сотворения мира и Вселенной.

В мифологическую культуру тибетцев также входили различные мифы о происхождении металлов, минералов и полудрагоценных камней. Особо ценилась и ценится до сих пор бирюза, которая, по мнению некоторых исследователей, появилась практически одновременно с идеей яйца и белого цвета. В традиционных религиозных воззрениях белый цвет считается сакральным, и от него произошли все остальные цвета народов, населяющих Гималаи и Предгималаи. Однако, кроме белого цвета, они предпочитают синий/зеленый, желтый, красный, оранжевый. Тибетцы сохранили и различные мифы о роли кузнецов и их магической связи с небесными божествами в контексте своих добуддийских религиозных традиций. Небезынтересно отметить, что традиционная цветовая гамма тибетоязычных этносов и монгольского мира практически идентична как в конфессиональном контексте, так и на бытовом уровне [Абаева 2018: 119-127].

Представления о вечной генетической связи тибетских кланов с Небом, которое в их мировоззрении подразделяется на три сферы — верхнее, среднее и нижнее, также присутствуют в их традиционном мифологическом восприятии мира. Этот феномен в русскоязычной литературе получил название тэнгрианства. Тэнгрианские традиционные воззрения, создавшие собственную уникальную картину мира, возникшие еще в период мифотворчества и мифопоэтических образов, конечно же, остались в традиционном представлении насельников Центральной Азии, например на уровне восприятия небесного происхождения самого Чингисхана и других ханов и хаганов монгольского мира, о чем неоднократно и широко писали многие исследователи. Наиболее глубокие корни тэнгрианства мы обнаруживаем в космогонических мифах монгольских и тюркских этносов Центральной Азии. В процессе своего исторического развития у этих насельников Центральной Азии в результате кросс- и интеркультурных взаимоотношений складывалась идентичная дуальная религиозно-мировоззренческая система («Небо» — «Земля») как специфическая форма социальной самоорганизации, упорядочившая субъективное в сознании на уровне объективного кочевого мировоззрения. Из первоначального космического хаоса, по их мнению, появился определенный порядок, сформировалась традиционная картина мира, а также связанная с ней структура социального и природного бытия на основе этой дуальной организации. Здесь необходимо подчеркнуть, что единственный представитель тюркской метаэтнической общности — тувинцы — исторически и в настоящее время на протяжении уже нескольких веков являются адептами буддийской теории и практики. Это уникальное явление в религиозной культуре тюркских народов заслуживает особого внимания исследователей, т.к. адаптация буддийских религиозных знаний и практик в этнокультурной и социальной среде тувин-

цев происходила в схожем и практически одинаково направленном векторе с монгольскими народами. Ведь тувинцы в составе Урянхайского края являлись сопредельным этносом монгольских народов, представляя вместе с ними практически единый этнокультурный анклав монгольского мира.

Проблема изучения специфики нравственных категорий и этических императивов монгольской метаэтнической общности и ее сопредельных представителей также, на наш взгляд, уходит в ее далекое историческое прошлое, сформированное иногда мифокреативными процессами. Однако чаще всего бессознательное/сознательное и практическое осмысление мира, своего социума и социумов вокруг метаэтническими сообществами Центральной Азии не имеют общего начала с параллельно формирующимися этическими нормами. В основном этические нормы и нравственные ориентиры монгольских социумов регулировались многочисленными обычными правами, степными уложениями, законами и указами, вводимыми в оборот светскими лидерами на уровне монгольских этнических групп регионального и локального характера. Важно подчеркнуть, что религиозные, мифологические воззрения тибетских, монгольских этносов, естественно, наряду с тюркскими, были практически аналогичными, возникнув как общее этнокультурное и структурное ядро семантических мифологем и отличаясь лишь региональными вариациями и локальными инвариантами.

Казалось бы, в формировании нравственных категорий и этических императивов должен бы доминировать такой психоэтический феномен, как душа. Европейская интерпретация понятия «душа» в культуре многих народов, на наш взгляд, относится к их древнейшим архаическим анимистическим представлениям об особой силе, обитающей в телесных проявлениях флоры и фауны окружающего их мира. Эти представления отражают развитие мифологического, религиозного, философского и антропологического сознания о сущности человека, характеризуя достаточно высокую степень их развития. В русле философии и психологии тех времен понятие «душа» раскрывалось и декларировалось прежде всего как некая внутренняя динамическая сила и как активное жизненное начало. В христианской же традиции душа является «индивидуальным проявлением единой духовной субстанции» или представляет «созданное богом неповторимое личностное начало» [Аристотель 1937: 9]. В традициях религиозной культуры монгольских народов термин «сунс» отражает их непосредственные знания о существовании у человека некой био- и психофизической энергетической субстанции, которой обладает индивид в реальной жизни и которая сопровождает его после кончины. Феномен «сунс», на наш взгляд, относится к категории непосредственных знаний монгольских народов и отражает объективную реальность кочевого образа жизни. Ощущения и восприятие как категории социальной антропологии относятся к непосредственным знаниям той или иной этнической культуры. Непосредственное знание, в свою очередь, базируется на дискурсивном познании, включающем логические рассуждения и рефлексии предшествующего опыта.

Существование понятий «сюльдэ» и «сунс» у монгольских народов свидетельствует о феномене некоей субстанции, которая в буддийской традиции отсутствует как категория «душа», но фиксируется в виде сгустка «дхарм» и реинкарнируется посредством создания потоков дхарм. В добуддийский период – в тэнгрианских и в более архаичных общемонгольских мифо-религиозных представлениях – она фиксируется как сгусток жизненной силы конкретного индивида и даже коллектива. При этом именно «конструкция» дхарм отдельного индивида и целого социума, фундаментальной основой которых является закон кармы, возможно, сформировала нравственные и этические

ценности и приоритеты, возникшие в процессе развития монгольских народов, да и народов Центральной Азии в целом.

На наш взгляд, древние мифологические, мировоззренческие и религиозные идеи и позиции монголосферы свидетельствуют о достаточно длительных процессах их этнокультурной адаптации последующими стратами религиозных культур, а феномен их символизации в контексте уникальных процессов преемственности завершился в векторе расширения буддийских идей и практик. При этом нравственные императивы и этические ценностные нормы и ориентации монгольских народов преимущественно сформировались и развивались в контексте развития социально-политических процессов, происходивших в разновременные хронологические периоды в метаэтническом монгольском социуме.

Статья выполнена в рамках государственного задания «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.)», № 121031000261-9.

Список литературы

Абаева Л.Л. 2018. *Религиозная культура монгольских народов в векторе буддийских традиций*. Улан-Удэ: Буряад-Монгол ном. 368 с.

Аристотель. 1937. *О душе*. М.: Государственное социально-экономическое изд-во. 109 с.

Огнева Е.Д. 1982. Тибетская мифология. — *Мифы народов мира*. Т. 2. М.: Советская энциклопедия. 719 с.

ABAIEVA Liubov' Lubsanovna, Dr.Sci. (Hist.), Professor; Principal Researcher of the Department of Philosophy, Cultural Anthropology and Religious Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakh'yanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; luba-abaeva@mail.ru)

MYTHOLOGICAL VIEWS, MORAL CATEGORIES AND ETHICAL IMPERATIVES OF MONGOLIAN PEOPLE IN THE VECTOR OF BUDDHIST THEORIES AND PRACTICES

Abstract. *The article analyzes mythological views, moral categories and ethical priorities of the Mongolian people in the process of adapting Buddhist ideas and practices. In our opinion, the results of creative mythological activity, as well as totemistic, animistic, ritual and symbolic knowledge of the people, are clearly manifested in subsequent religious cultures, modernizing, transforming and evolving in accordance with the social, economic and political demands of society.*

Keywords: *Mongolian people, mythological views, moral categories, ethical imperatives, Tibetan mythology, Buddhist theories and practices, karma law, evolution*
